

МАНЬЧЖУРСКАЯ ВОЙНА.

Наступательный периодъ.

ОЧЕРКЪ ДѢЙСТВІЙ 31-й ПѢХОТНОЙ ДИВИЗИИ.

(Изъ дневника участника).

(Окончаніе ¹⁾).

29-го сентября 1904 года. Вотъ ужъ правду говорится: человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Не далѣе какъ вчера я думалъ отобрать обратно Лѣсистую сопку отъ японцевъ сегодня на разсвѣтъ; но этому не суждено было осуществиться. Извѣстная истина и тутъ подтверждается, что на войнѣ тотъ хозяинъ и тотъ повелѣваетъ, кто взялъ въ свои руки инициативу. Инициатива эта была въ рукахъ японцевъ и мы дѣлали не то, что намъ хотѣлось или желательно было дѣлать, а дѣлали то, что заставлялъ насъ дѣлать сильный духомъ и инициативой противникъ.

Съ разсвѣтомъ, японцы, въ направленіи отъ Двугорбой сопки, повели атаку на правый флангъ моего расположенія, въ виду чего, въ обезпеченіе отъ охвата, мною отданы слѣдующія приказанія:

Царицынскому полку занять длинную возвышенность къ сѣверу отъ дер. Сандяза, фронтомъ на Двугорбую сопку.

Тамбовскому полку занять восточную часть Подковообразнаго массива, которая восточнѣе дд. Тхая-тунь и Танхайши, загнувъ лѣвый флангъ назадъ, фронтомъ къ Лѣсной сопкѣ, занятой противникомъ.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 6. 1909 г.

Пензенскому полку стать въ общемъ резервъ за лѣвымъ флангомъ Тамбовцевъ.

Двумъ батареямъ приказано выбрать позицію на сѣверной части массива, для обстрѣливанія западныхъ склоновъ подковообразнаго массива. Полубатарея 43-й арт. бригады стала за лѣвымъ флангомъ Тамбовцевъ для обстрѣливанія Лѣсной сопки.

Съ разсвѣтомъ непріятельская артилерія открыла огонь по сопкамъ горнаго массива, разсѣивая огонь по всей его обширной площади. Густыя стрѣлковыя цѣпи, съ поддержками позади, быстро подавались впередъ, но залпы съ позицій, которыхъ, видимо, японцы съ этой стороны не ожидали, остановили ихъ наступленіе. Въ свою очередь и они открыли сильный ружейный огонь по гребнямъ высотъ, причинившій нашимъ войскамъ значительныя потери, такъ какъ они стояли открыто за невозможностью построить окопы на скалистыхъ сопкахъ.

Затѣмъ небольшими частями и даже по одиночкѣ японцы начали перебѣгать, пользуясь складками мѣстности, отъ одного закрытія къ другому, постепенно приближаясь къ нашей позиціи. Очевидно было, что они накапливаются для атаки западнаго гребня горнаго массива.

Было замѣчено также, что отдѣльныя люди или небольшія группы японцевъ перебѣгали въ безыменную деревню, лежащую внутри подковы. Для обстрѣливанія перебѣгающихъ цѣпей противника я приказалъ поставить на сѣдловинѣ, въ центрѣ расположенія Тамбовскаго полка два орудія 43-й арт. бригады. Японцы въ это время появились на западномъ склонѣ массива, но встрѣченные ружейнымъ и артилерійскимъ огнемъ шарахнулись назадъ. Точно также прекратились дальнѣйшія попытки ихъ сгруппироваться въ деревнѣ внутри подковы.

На южномъ фронтѣ, со стороны Лѣсистой сопки, японцы нѣсколько разъ пытались атаковать Тамбовцевъ, но, встрѣчаемые дружными залпами и шрапнельнымъ огнемъ орудій 43-й арт. бригады, снова укрывались за складками мѣстности, откуда обстрѣливали Тамбовцевъ во флангъ. Очевидно было, что съ этой стороны противникъ демонстрировалъ и какъ бы заманивалъ къ себѣ, подготавливая ударъ съ восточной стороны, отъ удачи котораго зависѣла участь всего горнаго массива.

Мысль о переходѣ въ наступленіе съ цѣлью овладѣнія Лѣсной сопкой мною оставлена и именно потому, что этого, видимо, желалъ противникъ. Къ тому же, при остановкѣ, въ которой я нахо-

дился, было бы весьма рискованно выдвигать, хотя бы и часть отряда, на 1½ версты къ югу для сомнительной операции. Какъ при удачномъ, такъ и при неудачномъ исходѣ такого маневра, я ослабилъ бы себя на правомъ флангѣ, гдѣ японцы, со свойственной имъ смѣлостью стремились меня отбросить на 4-й корпусъ. Поэтому здѣсь я ограничился лишь пассивной обороной, прибѣгая, въ случаѣ надобности, къ частнымъ контръ-атакамъ.

Вотъ моя обстановка къ 7-ми часамъ утра, когда я получилъ отъ генераль-лейтенанта Сахарова слѣдующее предписание (безъ номера):

„Командующій арміей предписалъ Западному отряду сегодня утромъ запясть и оборонять позицію на линіи деревень Лиутхангоу—Хунбоасамъ. Возможно, что Двугорбая сопка съ кумирней будетъ очищена нами. Обстоятельство это не измѣняетъ даннаго вамъ указанія упорно оборонять занимаемую вами позицію на высотахъ къ сѣверу отъ дд. Утиасъ—Санцяцзы, загнувъ, если окажется необходимымъ, свой правый флангъ фронтомъ назадъ“.

Въ 8 часовъ утра, за № 115, получилъ предписание отъ командующаго арміей:

„Въ виду особой важности занятой вами позиціи предлагаю удерживать ее самымъ упорнымъ образомъ. Правымъ флангомъ общей позиціи съ вами считайте передовую позицію, которую вы ранѣ занимали; донесите, какъ идутъ дѣла. Донесите, когда деревня въ подковѣ массива будетъ занята японцами, чтобы мы могли отсюда ее разстрѣлять“.

Въ одномъ изъ донесеній къ командующему арміей я высказалъ намѣреніе продвинуться впередъ, хотя бы частью резерва, чтобы занять деревню въ подковѣ массива; мнѣ казалось, что съ занятіемъ этой деревни обезпечивался восточный склонъ подковы отъ атакъ противника въ этомъ направленіи. Но такъ какъ деревня эта, въ случаѣ занятія ея японцами, предназначена была командующимъ арміей къ разстрѣлянью, то я отказался отъ своего намѣренія, но одинъ баталіонъ Пензенцевъ изъ резерва передвинулъ къ правому флангу, предоставивъ его въ качествѣ частнаго резерва въ распоряженіе командующаго Тамбовскимъ полкомъ. Двѣ роты Пензенскаго полка, назначенныя наканунѣ, въ ночное сторожевое охраненіе и для связи съ генераломъ Мандрыко, съ развитіемъ утренняго боя на восточномъ фронтѣ, вмѣсто присоединенія къ общему резерву, были вовлечены въ боевую часть Тамбовскаго полка, гдѣ и оставались по настоящее время. Такимъ образомъ въ общемъ резервѣ оставалось лишь 2½ баталіона Пензенскаго полка, наиболѣе пострадавшихъ наканунѣ, въ бою на Лѣсистой сопкѣ.

Въ запискѣ отъ 12 часовъ дня, за № 1084, командующій арміей писалъ:

«Ваше расположение нынѣ является уже выдвинутымъ относительно общаго фронта, почему предлагаю вамъ стойко держаться на занимаемыхъ вами позиціяхъ, но впередъ безъ моего разрѣшенія не продвигаться».

Запиской отъ 12 часовъ 45 минутъ дня (безъ номера) генералъ-лейтенантъ Сахаровъ сообщилъ слѣдующее:

«Генералъ Зарубаевъ вынужденъ противникомъ къ отступленію по направленію Янсанзай-Хамытанъ. Командующій арміей направляетъ ему на поддержку 22 пѣх. дивизію; продолжайте удерживать позицію, загнувъ лѣвый флангъ назадъ. Если вынуждены будете къ отступленію, отходите на подготовленную вами позицію Шимойза-Яншутенъ».

Но раньше этого запиской отъ 11 часовъ 30 минутъ утра за № 199, изъ Хаматана, генералъ Зарубаевъ кратко сообщалъ: «генералъ Коссовичъ отходить на позицію къ югу отъ Хаматана».

Въ виду отступленія 4 корпуса мой лѣвый флангъ, обращенный фронтомъ на югъ, остался открытымъ и на воздухѣ. Опасаясь обхода и удара японцевъ съ этой стороны, а также для связи съ 4 корпусомъ, я приказалъ двѣ роты изъ общаго резерва приблизить къ этому флангу.

Задача: въ случаѣ атаки отражать таковыя контръ-атаками.

Около часу дня, со стороны Двурогой сопки и другихъ укрытыхъ мертвыхъ пространствъ появились японцы и открыли сильный ружейный и пулеметный огонь по нашему правому флангу (восточный фронтъ). Одновременно усилился огонь и на южномъ фронтѣ. Отдѣльныя группы японцевъ и даже одиночные люди, снова начали перебѣгать къ подошвѣ подковы, съ цѣлью сгруппироваться въ деревнѣ, которой пытались овладѣть утромъ. Очевидно подготовлялся новый ударъ. Огонь противника, направленный съ фронта и съ фланга, помимо потерь, производилъ непріятное моральное дѣйствіе.

Пули свистѣли во всѣхъ направленіяхъ; за отсутствіемъ закрытій, люди лежали на землѣ, отвѣчая на огонь противника большей частью залпами. Наступленіе на деревню въ подковѣ было приостановлено мѣткимъ огнемъ нашей пѣхоты, но на другихъ пунктахъ наступленіе велось энергично, хотя и не столь настойчиво, какъ вчера на Лѣсную сопку. Очевидно и японцы были переутомлены. До штыка дѣло не доходило, все ограничивалось огнемъ, который сдерживалъ ихъ пылъ и заставлялъ снова укрываться за мѣстными складками, чтобы послѣ передышки снова бросаться впередъ.

Принимая во вниманіе неблагоприятную для авангарда обстановку боя, моральное состояніе духа людей, крайне утомленныхъ и физически, я рѣшилъ отойти на тыловую позицію Шимойзы-

Иншутень. О своемъ рѣшеніи я донесъ командиру 4 Сибирскаго корпуса и приказаль стянуть на дорогу обозы (кухни, патронныя двуколки), послѣ чего предполагаль начать отводъ резерва на новую позицію, съ занятіемъ которой должны были отойти и боевыя части, что предполагалось исполнить въ сумерки, чтобы меньше нести потерь. Но лишь только обозы вытянулись на дорогу и голова колонны общаго резерва начала движеніе вслѣдъ за обозомъ, я получилъ отъ генерала Зарубаева записку отъ 4 часовъ 20 минутъ дня за № 202, слѣдующаго содержанія:

„Сейчасъ получилъ донесеніе, что ваши части отходятъ. Позиція у Сялихенцаы къ западу отъ этой деревни не можетъ быть очищена. Если очистите, то придется брать ее штурмомъ. Держитесь на позиціи и поддерживайте ее въ случаѣ атаки на нее“.

Резервъ и обозы были возвращены на свои прежнія мѣста, о чемъ за № 278 я послалъ донесеніе командующему арміей слѣдующаго содержанія:

«Въ виду настоятельнаго требованія генерала Зарубаева держаться на позиціи я повернулъ отходящія части на прежнюю позицію и испрашиваю указанія: занимать ли ее во чтобы то ни стало, или нѣтъ?»

Отъ 5 часовъ 45 минутъ дня, за № 110, я получилъ отъ командующаго арміей слѣдующее предписаніе:

«Признаю сообщенія генерала Зарубаева весьма важными, ибо съ отходомъ вашимъ вынужденъ будетъ отойти весь боевой порядокъ. Поэтому предписываю занимаемую вами нынѣ позицію удерживать упорно, обезпечивъ фланги и принявъ мѣры противъ ночной атаки. Вышлите ротнымъ командирамъ производить стрѣльбу только залповую».

Отъ 3 часовъ 40 минутъ дня за № 10139, генераль Сахаровъ мнѣ писалъ:

„Командующій арміей приказаль ввѣренный вамъ отрядъ, а также части 37 пѣх. дивизіи, какъ входящія въ вашъ отрядъ, такъ и расположенныя къ западу отъ него, подчинить командиру 1-го армейск. корпуса“.

Мѣсто отправленія помѣчено сопка у Шимойзы.

Ночью того же 29-го сентября, безъ указанія часа, за № 103, изъ дер. Тунсанхе я получилъ отъ генерала Сахарова слѣдующее предписаніе:

„Согласно ранѣ отданнаго приказанія, ваше превосходительство подчинены генералу-лейтенанту Зарубаеву. Командующій арміей приказаль это подтвердить вамъ. Высота съ кумирней, что западнѣе д. Танхайши и возвышенности, расположенныя въ ея районѣ, занята пятью баталіонами 37 пѣх. дивизіи, которые вамъ не подчиняются, но будутъ дѣйствовать въ связи съ вами. Для свѣдѣнія сообщаю, что генераль Зарубаевъ 29-го сентября займетъ позицію, свѣрнѣ линіи дд. Лиухедзы-Мяохуану. Вамъ надлежитъ поддерживать связь съ генераломъ Зарубаевымъ черезъ д. Сялиухедзе“.

Два послѣднія предписанія ставили меня въ подчиненное отношеніе одновременно двумъ корпуснымъ командирамъ: генералу Мейендорфу и генералу Зарубаеву.

Изъ сообщенія присланнаго мнѣ начальникомъ штаба 37 пѣх. дивизіи полковника Николаева, отъ часу дня за № 7, видно слѣдующее:

„37 дивизія расположена: дер. Санядза занята однимъ баталіономъ пѣхоты. За дер., уступомъ назадъ, построены двѣ линіи окоповъ, занятыхъ 9 ротами. Въ 3-ей линіи, за лѣвымъ флангомъ имѣется окопъ, занятый одной ротой. Двѣ роты 145 полка занимаютъ рошу, лѣвѣе большой сопки, бывшей мѣстомъ пребыванія командующаго арміей, для связи съ вами. Баталіонъ 147 полка занимаетъ большую сопку. 43 арт. бригада занимаетъ позицію къ западу отъ большой сопки. Общій резервъ, 145 полкъ, у западнаго склона (внизу) большой сопки. Два баталіона 147 полка и 2 батареи 43 арт. бригады вошли въ составъ общаго резерва 4-го корпуса, подъ общей командой генерала Левестама въ 10 часовъ утра сего числа. Вблизи и лѣвѣе 145 полка общаго резерва, находится 13 рота 146 полка, составляющая часть вашего резерва. Противъ дер. Санцадзя, большой сопки, артилерійскій огонь затихъ значительныхъ частей пѣхоты не видно. Небольшія части противника очищаютъ двурогую сопку и обходятъ ее къ востоку“.

Далѣе слѣдуетъ приписка:

„Общая обстановка слѣдующая: „вчера 145 полкъ занималъ двурогую сопку. Ночная атака японцевъ значительными силами заставила 145 полкъ очистить сопку, подъ прикрытіемъ 148 полка. Въ настоящее время положеніе дивизіи какъ указано выше“.

Первая половина этого сообщенія безъ плана понимается очень затруднительно, но приписка ясна: двурогая сопка въ рукахъ противника. Но тогда не понятна фраза въ запискѣ генерала Сахарова за № 103, «высота съ кумирней, что западнѣе дер. Танхайши и возвышенности расположенны въ ея районѣ, заняты пятью баталіонами 37 дивизіи».

Запиской отъ 4-хъ часовъ дня 10195, генераль Сахаровъ сообщалъ:

„Командующимъ арміей сдѣлано распоряженіе изъ частей 22 пѣх. дивизіи, слѣдующихъ 4 корпусу, занять баталіономъ и двумя батареями арьергардную позицію (высота сѣвернѣе дер. Шимойза) для обстрѣливанія долины между высотами у д. Танхайши“.

Остатки этого дня прошли въ томительномъ ожиданіи новыхъ атакъ. Съ наступленіемъ темноты, когда явилась возможность подвести на позицію походныя кухни съ горячей пищей, многіе, вслѣдствіе физическаго утомленія, предпочли отдыхъ и отказались отъ пищи. Наступившая зловѣщая тишина, среди темной, холодной ночи, не могла не вліять на нравственное состояніе духа войскъ, къ тому же крайне утомленныхъ физически. Мнѣ казалось, что нравственное состояніе духа было весьма угнетенное, подавленное.

30-го сентября 1904 года. Ночь прошла благополучно. Японцы произвели лишь нѣсколько и то небольшими частями разрознен-

ныхъ атакъ, которыя были отбиты. Очевидно, они задались цѣлью лишь тревожить, не рискуя серьезно атаковать.

Но этотъ день принесъ мнѣ много душевныхъ страданій.

Утромъ, около 6 часовъ, когда было уже совершенно свѣтло, я замѣтилъ большую толпу солдатъ, беспорядочно отходящую по дорогѣ на тыловую позицію. Тутъ были Пензенцы, Тамбовцы, Царицынцы и даже роты Нейшлотскаго полка, высланныя мнѣ въ поддержку. Во главѣ этой толпы ѣхалъ подполковникъ, въ длинномъ сюртукѣ и какой то странной формы, въ родѣ казачьей или пластунской, въ папахѣ.

На вопросъ: куда идете, зачѣмъ, по чьему приказанію, подполковникъ упорно молчалъ, или давалъ такіе отвѣты, изъ которыхъ ничего нельзя было понять. Ясно было одно, что эти части самовольно оставили позицію и идутъ куда-то не отдавая себѣ отчета. Ни командира Царицынскаго полка, ни другихъ штабъ-офицеровъ Пензенскаго и Тамбовскаго полковъ здѣсь не было. На вопросъ: гдѣ они, подполковникъ отвѣтилъ: не могу знать. Чтобы не тратить попусту время на вопросы, я, возвысивъ голосъ, приказалъ офицерамъ остановить толпу, построить роты, стать по полкамъ и немедленно возвратиться на позицію и занять свои мѣста. Отдавая такое приказаніе, я не вѣрилъ въ возможность его осуществленія, если бы оставленная позиція была занята японцами: пришлось бы брать силой тѣ высоты, которыя въ теченіе 4-хъ сутокъ такъ упорно отстаивались нами и гдѣ уже слишкомъ много пролито нашей крови.

Это было въ 7 часовъ утра. О такомъ самовольномъ оставленіи позиціи я донесъ командующему арміей за № 1, и командирамъ корпусовъ, которымъ былъ подчиненъ: генераль-лейтенанту Зарубаеву за № 52 и генераль-лейтенанту Мейендорфу за № 2. Въ донесеніяхъ было упомянуто, что отошедшія части привожу въ порядокъ и двигаю впередъ.

Къ счастью оказалось, что артилерія и боевыя части изъ Пензенцевъ и Тамбовцевъ, бывшія въ цѣпи, съ ближайшими поддержками, оставались на позиціи на своихъ мѣстахъ, а самовольно отошли, по какому то случайному недоразумѣнію, лишь Царицынцы и частныя резервы Пензенскаго и Тамбовскаго полковъ, равно какъ и весь баталіонъ Нейшлотскаго полка.

Полки вновь заняли позицію ту, которую занимали наканунѣ, причемъ Пензенскій полкъ сталъ на правомъ участкѣ фронтомъ на западъ, а Тамбовскій на лѣвомъ, фронтомъ на югъ, къ Лѣсистой сопкѣ, упирая свой лѣвый флангъ къ расположенію 4 корпуса.

Чтобы поднять духъ войскъ, я приказалъ артилеріи открыть огонь по японцамъ и тутъ же съ артилерійской позиціи, запиской отъ 8 часовъ, 45 минутъ утра, № 280, послалъ слѣдующее донесеніе командиру 1 армейскаго корпуса:

„Распоряженіе о моемъ подчиненіи вамъ получено. Части отряда очистили, безъ приказанія, позицію на массивѣ (западные склоны) между дд. Танхайши и Сялиухецзы. Всѣ подчиненныя мнѣ части повернуть для обратнаго занятія позиціи, которая еще не занята японцами“.

Всѣ попытки выяснить обстоятельства, побудившія къ очищенію позиціи поименованными выше частями, не дали никакихъ результатовъ.

Говорили разное, неопредѣленно, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, когда совершается какое либо происшествіе случайно, или по недоразумѣнію. Ясно было одно, что приказанія объ оставленіи позиціи никто не отдавалъ и какъ и почему это произошло никто не могъ отдать себѣ отчета. Всѣ были заинтересованы этимъ фактомъ, всѣ старались доискаться источника его, но ничего изъ этого не вышло.

Впрочемъ ходила одна версія, передаваемая какъ слухъ, что по распоряженію командира 1 арм. корпуса, три роты Царицынскаго полка, временно состоящаго въ моемъ распоряженіи, были направлены на тыловую Яншутенскую позицію. Эти роты увлекли и другія части этого полка, совмѣстно расположенныя. Видя отходъ Царицынцевъ и предполагая что они очищаютъ позицію по распоряженію начальства, къ нимъ присоединились части Пензенскаго и Тамбовскаго полковъ, а затѣмъ и баталіонъ Нейшлотскаго полка. Хотя случай такой и возможенъ, но едвали можно давать ему вѣру, такъ какъ объ отводѣ трехъ ротъ Царицынцевъ на Яншутенскую позицію мнѣ ничего неизвѣстно.

Во всякомъ случаѣ все обошлось весьма благополучно: слухъ объ очищеніи позиціи резервами не достигъ до боевой части и она осталась на мѣстѣ, упорно отстрѣливаясь отъ назойливыхъ японцевъ. Хотя это только благопріятная для насъ случайность, тѣмъ не менѣе удержанію за собой позиціи на горномъ массивѣ мы обязаны нашей артилеріи и тѣмъ ротамъ Пензенскаго и Тамбовскаго полковъ, которыя были въ боевой части.

Выше сказано, что прошедшая ночь въ авангардѣ прошла довольно тревожно. Что творилось у нашихъ сосѣдей налѣво, т. е. въ 4 корпусѣ—мы не знаемъ. Но въ 37 дивизіи было тоже тревожно. Начальникъ штаба 1 арм. корпуса, генераль-маіоръ Лашкевичъ, запиской отъ 9 часовъ утра, за № 2, сообщилъ:

„Командиръ корпуса приказалъ передать слѣдующее: изъ 37 дивизіи доносить полковникъ Николаевъ. Сейчасъ прибылъ съ позиціи генерала Полазкова, куда ѣздилъ узнать причину ночной стрѣльбы. Японцы (вѣроятно небольшія партіи) атаковали два раза дер. Санцадая: около часу ночи и въ 3 часа. Оба раза Японцы отбиты и деревня въ нашихъ рукахъ, первый разъ залпами и штыками (японцы ворвались съ горжевой стороны, гдѣ были оставлены проходы), второй разъ только залпами. Ни одна Каспійская рота, находящаяся въ окопахъ не стрѣляла. Части, занимающія деревню, стрѣляли только залпами. Беспорядочный огонь со стороны японцевъ. Число раненыхъ не приведено въ окончательную извѣстность, но ихъ не много, главнымъ образомъ ранены при ударѣ въ штыки. Когда японцы первый разъ ворвались въ деревню, имъ удалось захватить въ плѣнъ двухъ Каспійцевъ (деревню занимали три роты Самарцевъ и одна Каспійская—вторая); одному изъ нихъ Александру Богданову удалось вырваться.

Всѣ части занимаютъ прежнія позиціи. Донесеніе ваше за № 280 получено въ 9 часовъ 7 минутъ утра“.

Запиской въ 12 часовъ дня (безъ номера) изъ Хаматина генералъ Зарубаевъ предписывалъ не оставлять позиціи до полученія отъ него увѣдомленія о перемѣнѣ позиціи на другую, къ сѣверу отъ настоящей позиціи, а въ 12 часовъ 20 минутъ дня, за № 204, требовалъ немедленно вернуть баталіонъ Нейшлотскаго полка для присоединенія его къ общему резерву корпуса.

Запиской отъ 12 часовъ 30 минутъ дня я получилъ отъ начальника штаба 37 дивизіи увѣдомленіе, что въ виду отхода Западнаго отряда, 1 корпусу приказано загнуть правый флангъ и занять позицію на линіи дд. Шіо-сян-дзя и Тан-сян-зы. Это приблизительно версты на 4 сѣвернѣе дер. Сяндза. Мое положеніе становилось все болѣе и болѣе изолированнымъ и выдвинутымъ значительно впередъ. Теперь угрожала опасность быть отрѣзаннымъ отъ главныхъ силъ, отошедшихъ подъ натискомъ японцевъ на р. Шахе.

Для связи моего авангарда съ 1 армейскимъ корпусомъ, я приказалъ назначить одинъ баталіонъ Тамбовскаго полка.

Около часу дня прибылъ офицеръ, посланный въ расположеніе 4 корпуса, и доложилъ, что корпусъ стоитъ на мѣстѣ, обороняясь на прежнихъ позиціяхъ, но японцы обходятъ его лѣвый флангъ.

Запиской въ часъ 25 минутъ дня, за № 11, генераль-майоръ Лашкевичъ писалъ:

«По приказанію командующаго арміей прошу ваше превосходительство отходить, держа направленіе на сопку между дер. Даутуанъ и д. Юшунтуанъ. Эта сопка, если она не занята еще 4 корпусомъ, должна составить вашъ лѣвый флангъ, а правый соприкоснете съ лѣвымъ флангомъ 1 арм. корпуса, позиція котораго будетъ на линіи д. Шіо-сян-да-яншутенъ».

Очищеніемъ позиціи я не спѣшилъ, такъ какъ предварительно нужно было стянуть обозъ, который былъ отправленъ въ д. Яншу-

тень, гдѣ оставаться впредь до особаго приказанія. На всякій случай было отдано распоряженіе приготовить для людей горячій ужинь.

Отъ 3 часовъ 15 минутъ дня (безъ номера) я получилъ слѣдующее предписаніе отъ командующаго арміей:

«Сожалѣю, что вамъ вѣроятно не было извѣстно объ отходѣ 17 и 10 корпусовъ на ливію рѣки Шахе, иначе вами не было бы предпринято движеніе для обратнаго занятія высотъ къ востоку отъ Танхайши. Необходимо ихъ очистить, но исполнить безъ большихъ потерь, если не получите приказанія отъ Мейендорфа очищать немедленно. Полагаю, что постепенный отходъ небольшими частями можно начать теперь же безъ большого риска».

Сожалѣніе, высказанное въ началѣ этого предписанія, меня крайне огорчило. Если не прямое замѣчаніе, то во всякомъ случаѣ упрекъ за то, что я водворилъ снова на свое мѣсто части, самовольно покинувшія позицію. Объ отходѣ 17 и 10 корпусовъ на р. Шахе я узналъ лишь изъ сообщенія начальника штаба 37 дивизіи отъ 12 часовъ, 30 минутъ дня, въ коей говорилось, что въ виду отхода Западнаго отряда, 1 корпусу приказано измѣнить свое расположеніе. Да, наконецъ, если бы я и зналъ объ отступленіи 10 и 17 корпусовъ на р. Шахе, то это не давало мнѣ права отнестись безучастно къ такому акту, какъ самовольное оставленіе войсками занимаемой ими позиціи и я, все таки, отвелъ бы ихъ на свои мѣста. Я думаю, что войска могутъ очищать позицію не иначе какъ по приказанію, а отнюдь не самовольно.

Два приведенныя выше приказанія командующаго арміей, переданныя мнѣ, одно—непосредственно, а другое—черезъ командира 1 арм. корпуса объ очищеніи позиціи на горномъ массивѣ, гдѣ мы упорно отстаивались въ теченіе 4-хъ дней, вызвало слѣдующее съ моей стороны приказаніе по отряду (письменное):

По приказанію командующаго арміей вѣренному мнѣ отряду приказано отходить на позицію между дд. Дуоуатуанъ и Юшунтуанъ. Порядокъ перехода слѣдующій:

1) 146 Царицынскому полку теперь же отходить по направленію на сопку между названными деревнями и составить боевую часть отряда, подъ начальствомъ командира Царицынскаго полка, войдя въ непосредственную связь правымъ флангомъ съ 1 арм. корпусомъ у дер. Яншутень, а лѣвымъ флангомъ—съ 4 Сибирскимъ корпусомъ; въ составъ боевой части войти дивизиону артилеріи подполковника Герценберга. Полкамъ 1 бригады отойти за указанную выше позицію и составить общій резервъ подъ начальствомъ подполковника Домантовича.

2) Отходъ съ нынѣ занимаемой позиціи начать немедленно по полученіи сего приказанія, отправивши впередъ обозы 1 разряда.

3) Летучему артиллерійскому парку № 2 и дивизионному лазарету перейти въ дер. Синлунгунь.

4) Частямъ немедленно окопаться на новой позиціи, для чего командирамъ батарей выѣхать впередъ для рекогносцировки позиціи для артилеріи. По приходѣ на новую позицію донесенія посылать къ резерву.

5) Сапернымъ ротамъ стать съ общимъ резервомъ и руководить работами по укрѣпленію позиціи.

6) Сторожевое охраненіе выставить по распоряженію начальника боевой части отъ Царицынскаго полка.

Собравъ начальниковъ частей и передавъ имъ нѣкоторыя личныя указанія о порядкѣ постепеннаго очищенія позиціи небольшими частями, я отправился для личной рекогносцировки новой позиціи, которую предстояло занять.

Здѣсь, у дер. Юшунтуань, уже были саперы. Меня встрѣтили три офицера. Въ сопровожденіи ихъ и начальника штаба дивизіи мною была осмотрѣна позиція. Она представляется широкой, слегка всхолмленной равниной, упирающейся съ одной стороны въ высокій массивъ, у подножія котораго лежитъ дер. Яншутень, а другимъ—въ сопку у Дауотуана. Почти на серединѣ этой равнины раскинулась дер. Юшунтуань, восточнѣе которой, разрѣзая позицію на двѣ части, протекаетъ небольшой ручеекъ съ вязкимъ, болотистымъ дномъ и съ крутыми, хотя невысокими берегами. Южнѣе деревни проходитъ дорога изъ Яншутена въ Дауотуань, углубленная, весьма удобная для расположенія пѣхоты. Кругозоръ на югъ, вслѣдствіе незначительной всхолмленности не великъ и обстрѣлъ возможенъ лишь въ предѣлахъ хорошаго ружейнаго выстрѣла отъ 1,000 до 1,500 шаговъ. Въ тылу, къ сѣверо-востоку отъ Юшунтуана, встрѣчаются холмы, командующіе надъ впередилежащей мѣстностью, удобные для артилеріи. До прибытія отряда, саперы сдѣлали наскоро изъ подручнаго матеріала проѣзды черезъ ручей, срѣзавъ берега и засыпавъ топкія мѣста хворостомъ и стеблями гаоляна. Для пѣшеходовъ перекинуты досчатые переходы. Затѣмъ старшій офицеръ мнѣ доложилъ, что они получили экстренное приказаніе немедленно явиться въ Эрдогау.

Въ шестомъ часу вечера пріѣхалъ ко мнѣ конный ординарецъ Пензенскаго полка съ докладомъ, что отходившіе полки, съ половины дороги, снова пошли занимать тѣ мѣста, на которыхъ стояли, а вслѣдъ за нимъ прискакалъ другой того же полка и доложилъ, что командующій полкомъ подполковникъ Домантовичъ, послѣдній штабъ-офицеръ въ полку, убитъ шрапнелью и что полкъ несетъ значительныя потери. Въ этотъ же день, раньше выбылъ изъ строя Пензенскаго полка подполковникъ Савичъ, раненый ружейной пулей въ горло.

Недоумѣвая почему части ввѣреннаго мнѣ отряда могли повернуть обратно на оставленную уже позицію, я послалъ вторично ординарцевъ-офицеровъ съ приказаніемъ немедленно отходить на новую позицію, причемъ офицерамъ этимъ было поручено и проводить ихъ на эту позицію. Первымъ прибылъ Царицынскій полкъ, менѣ другихъ пострадавшій, въ составѣ 13 ротъ, съ командиромъ полка. Затѣмъ подошла артилерія, Тамбовцы, а за ними и Пензенцы, которые были выведены изъ боя, за убылью штабъ-офицеровъ, капитаномъ того же полка Ковалевскимъ. Было уже совершенно темно, когда разстроенные полки бригады, съ большими потерями, заняли свои мѣста на новой позиціи.

Оказалось, что когда отрядъ, очистивъ горный массивъ, отходилъ на Дауотуанскую позицію генераль Зарубаевъ встрѣтилъ Пензенцевъ и Тамбовцевъ, и именемъ командующаго арміей приказалъ вновь вернуться на сопки, что приходилось исполнить подъ сильнымъ огнемъ противника.

Сдѣлавъ распоряженіе, чтобы людямъ былъ выданъ ужинъ, а при возможности и чай, я приказалъ обозовъ не задерживать, а отправить ихъ въ Эрдогау, гдѣ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій.

Такъ какъ Дауотуанская сопка на лѣвомъ флангѣ позиціи не была еще занята частями 4-го Сибирскаго корпуса, а ночь уже наступила, то я приказалъ командиру Царицынскаго полка занять ее пѣшими и конными охотниками этого полка, и войти въ связь съ 4-мъ корпусомъ. Сверхъ того, я просилъ командира означеннаго полка напомнить и подтвердить ротнымъ командирамъ, въ случаѣ ночной атаки, стрѣлять исключительно залпами, выслать впередъ дозоры, которые, открывъ появленіе противника на фронтѣ, должны были для предупрежденія боевой части, стрѣляя, отходить на свои фланги.

Запиской отъ 11 часовъ 30 минутъ ночи, № 4, начальникъ штаба корпуса генераль-маіоръ Лашкевичъ мнѣ писалъ:

„Завтра съ утра начнетъ отступленіе 37-я пѣх. дивизія на линію рѣки Шахъ. Согласуйте ваши дѣйствія съ дѣйствиємъ 37-й дивизіи, какъ вамъ указано въ запискѣ № 2“.

Записка № 2 получена лишь 1-го октября въ 11 часовъ дня. Въ ней значится слѣдующее:

„Получивъ ваше донесеніе командиръ 1-го арм. корпуса приказалъ сообщить вамъ, что позиція корпуса слабо занята, не полною 37-й дивизіей и 88-мъ пѣх. Петровскимъ полкомъ отъ Шіесандза до сопки къ юго-западу къ дер. Яншугенъ (гдѣ вчера 29-го былъ командующій арміей) включительно. Высота южнѣе дер. Яншугенъ (вамъ хорошо извѣстная), считавшаяся вашей тыловой позиціей, занята тремя ротами Самарскаго и тремя ротами Царицынскаго полковъ, подъ командою баталіоннаго

командира Самарскаго полка князя Макаева. Командиръ корпуса просить васъ примкнуть къ послѣдней позиціи влѣво, какъ было предположено по первоначальнымъ указаніямъ на сегодня. Дѣйствія ваши согласуйте съ дѣйствіями 37-й пѣх. дивизіи. Направленіе вашего отступленія на башню дер. Эрдогау“.

Позиція такъ именно и была занята: правымъ флангомъ примыкала къ Янтушенскимъ высотамъ, занятымъ частями 37-й дивизіи, а лѣвымъ флангомъ упиралась на Даотуанскую сопку, т. е. къ правому флангу 4-го Сибирскаго корпуса.

Было подтверждено о пополненіи у людей запаса патроновъ и послано приказаніе летучему артилерійскому парку № 2 и дивизионному лазарету слѣдовать къ дер. Эрдогау.

1-го октября 1904 года. Два часа ночи. Передъ фронтомъ и на флангахъ тихо. Японцы, видимо, утомлены и спятъ.

Обезпкоенный отсутствіемъ донесеній съ лѣваго фланга отъ охотниковъ Царицынскаго полка, а равно и невозмутимой тишиной на Яншутенской позиціи, занятой 37-й дивизіей, я приказалъ командующему Тамбовскимъ полкомъ распорядиться посылкой конныхъ охотниковъ на оба фланга для выясненія обстановки.

Оказалось, что охотники Царицынскаго полка не могутъ розыскать присутствія 4-го Сибирскаго корпуса, съ которымъ имъ приказано войти въ связь. Очевидно, этотъ корпусъ отошелъ, но куда и въ какомъ направленіи — неизвѣстно. Такимъ образомъ мой лѣвый флангъ оказался открытымъ. Съ праваго фланга получено свѣдѣніе, что части 37-й дивизіи отходятъ.

Я призналъ своевременнымъ тоже начать очищеніе позиціи и въ 3 часа ночи приказалъ отходить: сначала Тамбовскому полку, за нимъ артилеріи, а затѣмъ Пензенскому полку. Въ аріергардъ назначень былъ Царицынскій полкъ и саперная рота.

Направленіе отступленія на Эрдогау.

Предупредивъ командира Царицынскаго полка, что въ этомъ направленіи должны отходить и части 37-й дивизіи, я указалъ ему избрать аріергардную позицію на возвышенностяхъ у дер. Эрдогау, имѣя въ виду главными силами занять укрѣпленную позицію у дер. Хуаньшань.

Ночь была темная, холодная. Сырость воздуха пронизывала насквозь: чувствовалось, что это октябрьская ночь.

Дорога едва намѣчалась, поэтому шли медленно, чтобы не сбиться съ пути. Съ разсвѣтомъ насъ окутала густой туманъ, сквозь который даже такая характерная и выдающаяся сопка, какъ Эрдогау, не была видна. Небо было пасмурное, сплошь затянутое густыми дождевыми облаками. Каждую минуту можно было ожидать ливня.

Подойдя къ дер. Эрдогау голова колонны была приостановлена, войска подтянулись и здѣсь имъ былъ данъ привалъ приблизительно около часу.

По прибытіи въ Хуаньшань я былъ вытребованъ къ командующему арміей и получилъ личное отъ него приказаніе вести бригаду черезъ дер. Садъяза на присоединеніе къ корпусу, о чемъ и донести генералу Случевскому.

Подтянувъ бригаду и наскоро пообѣдавъ, я, отъ 12-ти часовъ дня за № 288, донесъ командующему арміей, что «Царицынскій полкъ командиромъ 1-го арм. корпуса присоединенъ къ своей дивизіи. Съ Пензенскимъ, Тамбовскимъ и двумя батареями выступаю въ дер. Садъяза».

Послалъ донесеніе командиру 10-го арм. корпуса, что по распоряженію командующаго арміей поступаю въ составъ его корпуса и слѣдую на присоединеніе къ нему. Съ цѣлью войти въ связь съ генераломъ Гершельманомъ я выслалъ въ разѣздъ взводъ казаковъ, который «на сопкѣ съ деревомъ» встрѣтилъ командующаго арміей. Старшій разѣзда привезъ мнѣ записку отъ генерала Куропаткина: «Ведите ваши части немедленно къ сопкѣ, на которой нахожусь я». Мѣсто отправленія «сопка восточнѣе дер. Нанганца».

Приказаніе это было получено въ 2 часа 40 минутъ дня.

Идти было крайне трудно. Сильный дождь съ грозой, а затѣмъ градъ до такой степени размягчили почву, что орудія увязали по ступицу, вслѣдствіе чего приходилось оказывать помощь пѣхотой. При такихъ условіяхъ отрядъ могъ продвигаться въ часъ не болѣе версты. Въ 4 часа 50 минутъ дня была получена записка отъ генералъ-квартирмейстера генералъ-маіора Благовѣщенскаго за № 666, въ коей сказано: «Командующій арміей приказалъ бригадѣ стать бивакомъ на мѣстѣ, гдѣ застанетъ записка и варить пищу».

Утромъ, 2-го октября, бригада прибыла крайне утомленная передвиженіемъ по испорченнымъ дождемъ дорогамъ къ дер. Подовяза, гдѣ, по приказанію генералъ-лейтенанта Случевскаго, вошла въ составъ общаго резерва корпуса.

Н. Мау.

